

Т.А. Круглова, С.Е. Вершинин (Екатеринбург)

**ГЕОРГ ЛУКАЧ В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ:
*интеллектуальная стратегия эстетика-марксиста
в ситуации термидора****

Аннотация. Жизнь и интеллектуальная деятельность Георга (Дьердя) Лукача – венгерского философа и теоретика литературы, – исследуется в рамках нескольких тематизаций. Первая тематизация: интеллектуал в эмиграции (1929–1945 гг. с перерывом в 1931–1933 гг.), и вытекающая из нее проблема адаптации к другим правилам поведения в поле, стилю полемики, повестки гуманитарных дискуссий. Доказывается, что Лукач, принимавший активное участие в работе официальных советских институтов, занимал сложную многосоставную позицию: независимого интеллектуала, работающего в рамках собственной интеллектуальной программы внутри марксистской парадигмы; западного мыслителя «левой» ориентации, используемого для увеличения символического капитала СССР и советской мировой идеологической гегемонии; профессионального работника умственного труда, находящегося на государственно-партийной службе. Вторая тематизация: мотивы и формы вписывания интеллектуальной деятельности Лукача в культурный поворот в СССР второй половины 1930-х гг., квалифицируемый им как Термидор. Показано совпадение дискурсов Лукача (антиэкспрессионистские статьи) и официального стиля ждановской кампании борьбы против формализма в искусстве. Концепция социалистического искусства в период Термидора, предложенная Лукачем, имеющая философски обоснованное отрицание модернистских форм, сложилась в его творчестве задолго до консервативного поворота сталинской культурной политики и последовательно развивалась на протяжении нескольких десятилетий в разных исторических условиях. Выявленные противоречия стратегии Г. Лукача в советский период объясняются глубокими внутренними связями между его философией и жизненной практикой, обоснованными в концепции «проблематического индивида», и трактовкой «термидора» как естественной фазы развития Революции.

Ключевые слова: Георг (Дьердь) Лукач; марксистская эстетика и литературная критика 1930-х гг.; советский журнал «Литературный критик»; кампания борьбы с формализмом в искусстве; проблематический индивид в философии Лукача.

T.A. Kruglova, S.E. Vershinin (Yekaterinburg)

**Georg Lukacs During the First Soviet Emigration: Intellectual
Strategy of a Marxist Aesthetician in the Situation of Thermidor****

Abstract. Life and intellectual activity of Georg Lukacs, a Hungarian philosopher

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

** The work was done with the support of the grant of the Russian Science Foundation (RSF, project number 17-18-01165).

and theoretician of literature, are analyzed within several subject frameworks. The first framework: the intellectual during emigration (1929–1945, with the break between 1931 and 1933) and the following problem of the adaptation to the new rules of conduct in the field, to another style of polemics and to the new philosophical agenda. The paper demonstrates that Lukacs who actively participated in the functioning of the official Soviet institutions had a complex multifaceted position: of an independent intellectual working according to his own intellectual program within the Marxist paradigm; a western thinker of the “left” orientation contributed into the increase of the symbolic capital of the USSR and the Soviet ideological hegemony; professional worker of the intellectual labor worked for the state and party service. The second framework: motives and forms of the integration of the intellectual activity of Lukacs into the cultural turn of the second half of 1930ths, defined by him as the Thermidor. The paper demonstrates the coincidence of Lukacs’ discourses (anti expressionist articles) and the official style of Zdanov’s campaign of the struggle against formalism in art. The conception of the socialist art under the Thermidor offered by Lukacs based on the philosophical justification of the rejection of the modernist forms had emerged in his works long before the conservative turn of the Stalinist cultural politics and had been coherently developed during some years under different historical conditions. The found contradictions of Lukacs’ strategy during the Soviet period can be explained by the deep connection of his philosophy to the life’s practice justified in the conception of the “problematical individual” and interpretation of the Thermidor as a natural stage of the development of Revolution.

Key words: Georg Lukacs; Marxist aesthetics and literature critics of the 1930th s; Soviet magazine “The literature critics”; campaign of the struggle with formalism in art; problematical subject in Lukacs’ philosophy.

Интерес к Георгу Лукачу, его философии культуры и эстетике в рамках темы «интеллектуал в эмиграции» вызван рядом обстоятельств. Во-первых, после нескольких десятилетий забвения наследия Лукача и вытеснения его работ на периферию истории социально-гуманитарной мысли, в начале 2000-х гг. в России и в международном поле началась работа по актуализации не только целого ряда его идей, но и пересмотр его интеллектуальной биографии. Это связано, прежде всего, с возрастающим интересом к неомарксизму и роли левой идеи в культуре, и особенно – в искусстве. Во-вторых, Лукач находился в СССР в эмиграции, будучи уже известным европейским мыслителем, и, согласно его биографам, приезд в СССР был тесно связан с серьезным и даже радикальным переломом в его философской, общественной и политической жизни, сменой творческой стратегии. В-третьих, активная деятельность Лукача в составе «течения», сложившегося вокруг журнала «Литературный критик», сложным образом входила в отношения притяжения и отталкивания с основным вектором советской культурной политики в 1930-е гг. – реставрации домодернистской картины мира, возвращения к классике, неотрадиционалистского дискурса в художественном процессе. В-четвертых, в течение всей жизни Лукача и спустя много лет после его смерти высказываются совершенно противо-

положные суждения о месте и роли философа и литературоведа в формировании марксистско-ленинской эстетики, о его программе оправдания «термидора» в культуре и о роли «великих консерваторов» в обосновании искусства, соответствующего социалистической эпохе.

Возникают вопросы, чаще всего остающиеся без ответов: удалось ли Лукачу в период своей советской эмиграции сохранить и развить позицию независимого интеллектуала? Стремился ли он к подобному позиционированию? Происходила ли корректировка его интеллектуальной стратегии советскими институциями, персональными связями с единомышленниками и противниками, общественно-политическими кампаниями, и в чем она заключалась? Каким образом можно обнаружить связи между основными темами его размышлений в этот период («проблематический индивид» модерна, трагическое и революционное, реализм и модернизм, социальное и эстетическое в искусстве) и поведенческими стратегиями? Насколько глубокой оказалась его адаптация к советским условиям гуманитарной деятельности?

Объектом данного исследования являются: экзистенциальные, биографические, интеллектуальные совпадения философских поисков Г. Лукача с советской культурно-политической ситуацией 1930-х гг.; мотивы выбора той или иной стратегии. Гипотеза исследования: приезд Г. Лукача в СССР и длительное пребывание в нем объясняется не только внешними обстоятельствами и вынужденным решением. Приезд и активное погружение в советскую интеллектуальную жизнь было мотивировано стремлением выхода из духовного кризиса, поиском общественных и культурных условий для установления связей между интеллектуальными построениями и преобразованием реальной культурной ситуации. Но главным предметом упования Лукача является *поиск нового позиционирования интеллектуала в ситуации «между»*: революцией и термидором, новацией и традицией, классикой и модерном, верностью левой идее и стоическим примирением с постоктябрьской реальностью.

Отношение к Лукачу в гуманитарной и общественной среде претерпевало колебания: от признания его одним из значительных интеллектуалов XX в. до полного ниспровержения и забвения. Исследователи его творчества склонны квалифицировать его как фигуру трагическую и во многом недооцененную, настаивая на том, что его творчество может быть актуализировано в XXI в. В его жизни биографы обнаруживают, с одной стороны, удивительную для переменчивого и чреватого катаклизмами XX в. целостность мировоззрения и верность себе, а с другой стороны, насчитывают минимум два духовных перелома, связанных с разрывами с прежним кругом единомышленников, образом творческой и жизненной стратегии, и обретениями новых приоритетов.

Для понимания природы внутренней противоречивости (но не раздвоенности!) личности Лукача обратим внимание на его *концепцию проблематического индивида*. Проблематический индивид – продукт модерна, и поэтому отличается и от классического (трансцендентального) субъекта, и

от субъекта традиционного общества. Этот концепт появляется у Лукача еще в раннем эссе «Душа и формы», а затем, более развернуто, в «Теории романа», что свидетельствует, на наш взгляд, что «проблематический индивид» выполнял функцию не только категории, объясняющей специфику нового искусства, но имел отношение и к социально-антропологическим трансформациям. В «Теории романа» Лукач пишет: «Центральная биографическая фигура романа обязана своим значением лишь отношению к возвышающемуся над нею миру идеалов, но и сам этот мир реализуется лишь постольку, поскольку живет в данном индивиде, в данном жизненном опыте. Таким образом, в биографической форме устанавливается равновесие двух жизненных сфер, каждая из которых в отдельности не осуществлена и неосуществима. И возникает новая, самобытная жизнь, парадоксально завершенная и осмысленная, – жизнь проблематичного индивида. Мир случайностей и проблематичный индивид – это две реальности, взаимообуславливающие друг друга» [Лукач 1994]. В приведенной цитате важно все, но особенно подчеркнем характеристику жизни проблематичного индивида как парадоксально завершенной. По большому счету, «проблематический индивид есть продукт перехода от органики традиционной “общности” к механике “модерного общества”» [Земляной 2017, 175]. Ключевым вопросом для него является возможность практического влияния на вектор развития социума, это воздействие бытийно обосновано, выбор действий свободен, но лишен произвола. Проблематический индивид детерминирован обстоятельствами и в то же время ответственен за свои поступки, отдавая себе отчет в их влиянии на движущие силы истории.

Вся эта конфигурация субъект-объектных отношений делает существование проблематического индивида чрезвычайно драматическим, если не трагическим. Такой индивид может возникнуть только в определенной трактовке социальной онтологии, которую мы находим в «Прологоменах». Авторы предисловия к этой работе пишут:

«...общественное бытие альтернативно по самой своей внутренней организации. Свобода оказывается не просто познанной необходимостью, но альтернативно-бытийным “полем возможностей” выбора среди них. <...> Лукач учитывал, что судьба избранных альтернатив, результаты их реализации зависят не только от решений об определенном выборе, но от той или иной расстановки и возможностей противодействующих сил, которые также имеют и объективные причины, коренящиеся в самом социальном бытии. Имеет место, так сказать, “онтологическое давление эпохи”. Лукач отмежевывает свое понимание свободы выбора от экзистенциалистской интерпретации, но признает немалое значение ориентации субъекта в своих решениях на тот или иной порядок ценностей <...> Лукач приходит к выводу, что совершенно свободного выбора альтернатив не существует» [Нарский, Хевеши 1991, 15–16].

На наш взгляд, Лукач примерял на себя роль нового субъекта, кото-

рого именовал «проблематическим», и поэтому необходимо разглядеть внутреннюю взаимосвязь между его теоретико-философскими и социально-практическими ипостасями. В таком ракурсе трактовка выбора, которые Лукач осуществлял в решающие моменты своей жизни и особенно в интересующей нас ситуации советской эмиграции, имеет шанс обрести убедительные аргументы.

В трактовке культурной ситуации, в которой оказался Лукач в СССР, мы обратимся к концепции К. Кларк, описывающей эволюцию сталинской культуры с начала 1930-х гг. и до Второй мировой войны. Новизна концепции Кларк заключается в том, что, вопреки уже устоявшимся взглядам на весь сталинский период как проявление тенденций «великого возвращения» (Н. Тимашев), Культуры – 2 (В. Паперный), «красной реставрации» (В. Шкловский), «великорусского национализма», она интегрирует интернациональное (космополитическое) измерение в сталинизм [Кларк 2018]. *Советские культурные проекты и программные установки до 1938 г. рассматриваются как часть Великой Апроприации русской и европейской культуры прошлого в целях осуществления гегемонистской программы, когда СССР стремился стать не только политико-идеологическим центром мира, но и центром мировой культуры.* Понятно, что вторая цель была подчинена первой, но стратегия власти содействовала более широкому взаимодействию с интеллектуальной жизнью за пределами страны. В этот период активизировалась переводческая деятельность, регулярно публиковались материалы об европейских и американских достижениях, огромное влияние имело издание трудов немецких писателей и мыслителей (Шиллера, Гете, Гегеля, Шеллинга, Лессинга и др.), чему немало способствовали Г. Лукач и члены его московского кружка. В своем исследовании Кларк приводит множество примеров того, сколь важную роль «мировая литература» и Просвещение играли в европейской интеллектуальной и даже политической жизни 1930-х гг. СССР поддерживало мировую литературу «как в интересах внутреннего потребления, так и в качестве символа антифашистского движения» [Кларк 2018, 10]. Г. Лукач и был одним из важных символов антифашистского движения и активным игроком в программе советского культурного международного доминирования. Он принадлежал одновременно и немецкоязычному миру изгнанников, и советской интеллектуальной жизни, публикуясь в журналах по обе стороны культурной границы. Лукач создал вместе со своими московскими единомышленниками теорию социалистического искусства (прежде всего, теорию и историю романа), «согласуя соцреализм с транснациональным, европейским контекстом» [Кларк 2018, 239].

Положение Лукача в советском гуманитарном поле было двойственным. Отметим, что в СССР Лукача привел путь по линии Коминтерна, что определило его сложную идентичность: интеллектуал, привлеченный в рамках партийной дисциплины и революционной этики, к службе в советских государственных институтах; иностранец, находящийся на особом положении; пишущий на немецком языке работник советских печат-

ных органов; космополит, действующий и развивающий международный интеллектуальный гуманитарный контекст в условиях тренда к великорусскому национализму, государственному патриотизму и сужающегося пространства контактов с мировой мыслью. Он разделит с советскими интеллектуалами, прежде всего, космополитической ориентации, многие родовые черты. Советский интеллектуал 1930-х гг. сохраняет ряд общих признаков с западным интеллектуалом: он признает необходимость коллективной деятельности, осуществляя свою работу благодаря организационной и институциональной коммуникации с единомышленниками (группы вокруг журналов); формирование широкой платформы для диалога и дебатов в международном поле; доминирование критического дискурса к современности; понимание миссии интеллектуала как активного влияния на публичную сферу, в том числе – государственную политику в области культуры; высокий уровень «социабельности» (термин М. Агуллона), выражающейся в координировании предмета гуманитарной рефлексии с текущей повесткой дня [Круглова, Вершинин 2018, 110–111].

С одной стороны, попав в СССР, Лукач был спасен от реальной угрозы жизни, получил возможность работать в самых престижных институтах, связанных с исследованием марксизма, заниматься литературно-критической деятельностью, преподавать, участвовать в общественной жизни, занимать должности в советских академических институтах, иметь сносные материальные условия. Иначе говоря, у него сохранялись довольно большие возможности оставаться и развиваться как философу и теоретику. По общему мнению исследователей его творчества, именно в советский период 1930-х гг. он приобрел славу крупнейшего марксистского теоретика искусства и литературного критика. Он оставался иностранцем, ему не было нужды переходить на русский язык, этого не требовалось, но при этом он был частью своего, коммунистического, мира.

Есть основания считать, что тот круг советских интеллектуалов, в который он попал и который сам активно формировал вокруг себя, стал для него чрезвычайно важным и даже незаменимым для решения ряда принципиальных вопросов философии истории, культуры и искусства. В советской среде Лукач гораздо чаще оказывался в ситуации острой полемики с немецкими «левыми», близкими ему в предыдущий период (например, спор с альтернативными позициями Б. Брехта и Э. Блоха), чем со своими товарищами по работе в Институте Маркса и Энгельса, ИФЛИ, журналах «Литературный критик», «Интернациональная литература». В переписке Лукача и Михаила Лифшица можно выделить постоянный лейтмотив: Лукач жалуется на то, что ему в Берлине не с кем обсудить важные для него теоретические вопросы, например, в письмах 1931 и 1932 гг. [Лифшиц, Лукач 2011], а они, судя по сфере его интересов и задуманных работ, относятся к попыткам сформулировать и разобраться с сущностью эстетического в марксизме, связи социализма и искусства. Обоих адресатов и после закрытия «Литературного критика», окончания войны и возвращения Лукача в Венгрию не оставляет надежда создать «марксистский “Логос”»,

они строят планы на совместную работу. В переписке можно зафиксировать элемент ностальгии по сотрудничеству в 1930-е гг. и в целом по атмосфере внутри «течения». Возникает впечатление, что в СССР, прежде всего – в кружке Михаила Лифшица – он не только нашел единомышленников, которых у него не оказалось среди западных, и особенно немецких мыслителей, даже марксистского толка, но ему было также крайне важно *место и время своего философствования* – страна строящегося социализма, т.к. именно этот хронотоп придавал всем его сугубо теоретическим размышлениям совершенно особое измерение. Конечно, он совсем не идеализировал интеллектуальную, политическую и культурную ситуацию в СССР, ибо и там хватало полемики, критики и даже риска, но, видимо, это все было предпочтительнее, чем умозрительно-кабинетная или партийно-практическая работа на Западе. Сам Лукач писал об этом следующее: «В 1929 году <...> последовал <...> большой поворот. С обретенными таким образом [новыми] взглядами я стал в 1930 году научным сотрудником московского Института Маркса и Энгельса. Здесь мне на помощь пришли два неожиданных счастливых случая: в Институте я получил возможность прочесть полностью расшифрованный рукописный текст “Экономическо-философских рукописей 1844 года” Маркса и познакомился с М. Лифшицем, что стало началом дружбы на всю жизнь» [Лукач 2003, 94].

С другой стороны, Лукачу, как и многим другим западным интеллектуалам, попавшим в СССР, пришлось адаптироваться к специфическим правилам в советском гуманитарном поле, стилю полемики, форматам академической и литературно-критической работы. Эта адаптация была в некоторой степени подготовлена духовной эволюцией философа во второй половине 1920-х гг., проходившей под знаком несомненного стремления к преодолению разногласий с советской ортодоксией, и по этому поводу у биографов существует полное единство: иной путь вел к ренегатству и был неприемлем для Лукача по внутренним, этическим мотивам. Можно также предположить с большой долей уверенности, что тот стиль и дискурс, которые демонстрируют большинство текстов, созданных им в советский период (отметим, что это очень весомый объем), были удивительным соединением классической, немецкой выделки, школы, и специфической советской риторики, принятой в публичных изданиях. Этот сплав был довольно уникален в тогдашних условиях, но он позволял идеям Лукача пересекать всевозможные границы: между академическим и публицистическим дискурсами, западным и советским марксизмом, философским новаторством и партийной ортодоксией. Такая позиция требовала особой активности и изощренности, на которую зачастую были не способны даже те, для кого советское поле было своим. Сошлемся на замечание Натальи Полтавцевой о разнице в понимании позиции интеллектуала между такими близкими единомышленниками, как Лифшиц и Лукач: «Более осторожный Лифшиц упрекал Лукача за его нежелание уйти из области литературно-эстетической (реально-политической) борьбы в чистую область эстетической теории, но Лукач был непреклонен: он хорошо

знал цену прямого полемического слова, предпочитая “вложить” в него как в идеальный транслятор нужные философские и эстетические идеи, а при необходимости тактически отступить, но стратегически не отступать ни на шаг» [Полтавцева 2011, 263]. Собственно, смысл работы в СССР во многом для Лукача как раз и заключался в желаемой им реализации принципа проблематического индивида, в стремлении к единству онтологического, гносеологического и практического измерений философствования.

Для дальнейшего исследования важно остановиться на проблеме переломов в интеллектуальной биографии Г. Лукача. Краткое рассмотрение *первого перелома* и его последствий поможет прояснить суть того, что значил советский период в жизни и творчестве Лукача, чем был мотивирован второй перелом – от революционности к оправданию Термидора. Г. Лукач с самого начала своей жизни и до конца удивлял окружающих тем, что нарушал их ожидания. Родившись в благополучной семье венгерского финансиста и политического деятеля еврейского происхождения, с успехом закончив юридический факультет, поработав по его окончании в венгерском министерстве торговли, он выбрал путь свободного интеллектуала. Начиная с 1901 г. Лукач стремительно входит в круг виднейших философов и социальных мыслителей того времени (Г. Зиммеля, М. Вебера, Э. Блоха, Т. Манна, К. Мангейма, А. Хаузера), после публикации сборника эссе «*Душа и формы*», книги «*Теория романа*» к нему приходит мировая известность. В 1909–1918 гг. Лукач находился в центре философской мысли Германии, обладавшей в этот период наиболее яркой в Европе интеллектуальной культурой. Его тексты раннего периода полны тонких абстракций и вполне соответствуют духу несколько герметичного и даже эзотерического стиля философствования неокантианства и в целом культуре мышления модернистской эпохи.

Изнутри этого образа мышления ожидаемо его отношение к большевистскому перевороту в России, выраженное в опубликованном в 1918 г. эссе «*Большевизм как моральная проблема*», в котором философ ставит под вопрос нравственную вменяемость большевиков. Но уже через две недели Лукач вступает в компартию Венгрии и начинает совершенно новую жизнь, в которой главное место занимает практическая партийная работа, в которой он также стремительно начинает играть ведущую роль. И эта его новая миссия интеллектуала не сводится только к идеологическому обеспечению революционной деятельности: он попадает на румынский фронт в качестве комиссара одной из дивизий, ведет нелегальную работу, его жизнь подвержена опасностям. Лукач активно публикуется в международных коммунистических изданиях. В 1923 г. его книга «*История и классовое сознание*» породила острую дискуссию и, как определяют ее место в мировой социальной мысли, стала одним из главных и самых влиятельных текстов западного марксизма, сохраняя это значение до сих пор.

Сергей Земляной и другие биографы отмечают, что приход Лукача к марксизму и его вступление в венгерскую компартию носили некоторый отпечаток экстравагантности и вызвали немалое удивление в интеллекту-

альных кругах Европы. От философа гейдельбергской выучки (ученика Макса Вебера), европейски известного эссеиста такого поворота судьбы – «“превращение буржуазного Савла в коммунистического Павла” – никто не мог ожидать: близкая к окружению Лукача писательница Анна Леснай вспоминала, что обращение Лукача в новую веру произошло буквально “в промежутке между двумя воскресеньями”, ничем не предвещаемое» [Земляной 2017, 289]. Его революционность была не только неожиданно быстро обретена, но и окрашена в самые радикальные ультралевые мессианские тона: «...став марксистом на определенном этапе своей духовной эволюции, он изменяет на некоторое время своему привычному амплу кабинетного мыслителя, превращается во фронтового политкомиссара, способного отдать приказ о расстреле дезертиров, а затем и в профессионального революционера-подпольщика, преследуемого полицией» [Земляной 2017]. Земляной пишет о каком-то наслаждении и даже мазохизме, с которыми Лукач рассчитывался с собственным прошлым, порывал со своей средой, сжигал за собой все мосты.

Друг его молодости, киновед Бела Балаж считал такой поворот ошибочным и даже разрушительным: «Он рожден быть исследователем, одиноким ученым, созерцателем вечных сущностей. <...> Он действительно стал бездомным, потому что оставил свой духовный дом». И далее: «Лукач-заговорщик, активная политическая фигура, революционер – это ложные маски, это не его метафизически укорененная миссия. <...> Он не живет собственной жизнью. Он впал в метафизический грех» [Земляной 2017, 291]. Дальнейшее изложение жизни Лукача в СССР показывает, что сам философ считал иначе, о чем свидетельствует, например, его принципиальное расхождение с Т. Адорно по поводу миссии интеллектуала, который не должен оставаться в положении кабинетного критика. А. Дмитриев подтверждает, что для Лукача «после 1929-го было важно не стать таким вот автором троцкистского журнала где-то в канадском университете, как и после 1918-го он стремился избежать “страшной участи” оказаться эксцентричным приват-доцентом в Гейдельберге (даже в роли союзника коммунистов вроде Блоха). Он хотел действенности, участия в главных решениях современности, настоящего дела, пусть даже только литературного» [Дмитриев 2018].

Опуская все обстоятельства его попадания в эмиграцию в СССР, сосредоточимся на *втором переломе*, произошедшем в течение советского периода (1929–1945, с перерывом в 1931–1933 гг.). Концепция Термидора как естественной части революционного процесса, как определенной фазы революции стала источником альтернативных оценок «советского» Лукача на протяжении многих лет. С одной стороны, вся теоретическая и литературно-критическая деятельность Лукача до 1938 г. находилась в русле той культурной политики, которую условно называют сталинской, его вклад в формирование эстетики социалистического реализма, направление «возвращения к классике», активное участие в антимодернистской кампании были поддержаны тогдашними идеологическими трендами. И,

таким образом, с позиции многих левых, подобная мыслительная парадигма однозначно трактовалась как отход от революционных принципов в культуре и искусстве, как консерватизм. С другой стороны, теоретический потенциал концепции о роли «великих консерваторов» в прогрессивном развитии культуры заставляет проводить аналогии Лукача не со Ждановым, а с Гегелем – основным героем лукачевских философских интересов, особенно конца 1930-х – начала 1940-х гг. Гегель, принадлежа к «великим консерваторам», давший одну из самых проникательных и глубоких критик Великой французской революции (и революции вообще), был для Лукача фигурой в этот период гораздо более близкой и понятной, чем Маркс. Вопрос о том, может ли быть плодотворным Термидор, был для Лукача краеугольным, теоретическим и экзистенциальным одновременно.

Тема Термидора возникла в дискуссии, развернувшейся в те месяцы, когда во всем мире отмечалось 150-летие Великой французской революции. Как пишет Д. Стыкалин, дискуссия эта оказалась не совсем проходной и совсем не типичной для сталинского времени по постановке проблем:

«Вполне закономерно (хотя и довольно неожиданно) дискуссия перерастает рамки обсуждения литературы, выходит, в частности, на проблему “Термидора” – не просто как конкретного контрреволюционного переворота 1794 года, а как символа перерождения революционной власти. Между тем всего за несколько месяцев до начала дискуссии, 23 августа 1939 года, был заключен договор СССР с фашистской Германией, повлекший за собой полный отказ от антифашистской пропаганды и даже преследование тех, кто на ней настаивал. Это событие как никакое другое могло навести современников на далеко идущие размышления о глубоком перерождении власти, легитимизированной событиями октября 1917-го, отступлении ее от идеалов большевистской революции» [Стыкалин 2001, 96].

О том, что теория Термидора Лукача носила амбивалентный характер, свидетельствует тот факт, что когда этот крайне нежелательный поворот в ходе дискуссии был обнаружен, произошла реакция власти – журнал «Литературный критик», главная трибуна Лукача и его соратников, был закрыт в конце 1940 г. Сам Лукач в результате сворачивания советской властью антифашистской деятельности был арестован летом 1941 г. и провел на Лубянке несколько месяцев. К этому моменту большинство его соратников по антифашистскому движению уже были устранены. Интересно отметить, что процесс Большого Террора 1937–1938 гг. не привел Лукача к выводам о перерождении власти и измене Революции, а соглашение с фашизмом – привело совершенно определенно и ясно. Дмитриев трактует это так: «этот эпизод был для него ошибкой истории, которую нужно стоически пережить, сохраняя верность делу» [Дмитриев 2018].

Казалось бы, участие Лукача в *широкой антиформалистической кампании*, которая охватила собой не только советское поле искусства, но и международное интеллектуальное сообщество, приводит к более одно-

значной оценке его идентификации как ангажированного советского интеллектуала, но и здесь можно обнаружить парадоксы и амбивалентные значения. 1936 г. – начало кампании, и на первый взгляд она находится в том же русле, что и цепочка «возвращений»: к классике, к философии, к эстетике, к подлинному Марксу. В советской гуманитарной среде к этому моменту развернулась активная, с международным участием, *дискуссия о доминирующем жанре нового искусства*. Важно отметить, что все спорящие стороны сходились вокруг тезиса о том, что социалистическое (антибуржуазное) искусство должно представлять собой определенное отрицание предыдущего этапа (модернизма и авангарда) и возрождение структур домодернистского искусства: классики, реализма и фольклора. Теоретические споры о жанре «фактически вели к проведению новых границ современности, к осмыслению вопроса о непрерывности и разрывах в истории, о включении или отказе от премодерных культурных форм» [Кларк 2018, 333]. Возрождение и переосмысление эпоса органично укладывается в логику «возвращений».

Под «формализмом» и в СССР, и в западноевропейском гуманитарном сообществе, если мы абстрагируемся от сугубо идеологических коннотаций, понималась теория и практика модернистского и авангардистского искусства, которые в 1930-е гг. переживали мировой кризис. В СССР критика формализма как метода гуманитарных наук велась на основе самых разных позиций, как марксистских (Лукач, Лифшиц), так и парамарксистских (О. Фрейденберг) и немарксистских (Г. Шпет, М. Бахтин).

К. Кларк пишет: «В 1936 – 1938 годах ведущие интеллектуалы антифашистской эмиграции оказались втянутыми в так называемую ”антиэкспрессионистскую” дискуссию, которая шла в левой антифашистской эмигрантской среде, в некотором смысле параллельно советской антиформалистской кампании. Лукач стал главным обвинителем экспрессионизма» [Кларк 2018, 293]. Речь идет о публикации Лукачем в 1936 г. в Москве своей книги «Величие и упадок экспрессионизма». В этой работе Лукач охарактеризовал экспрессионизм как продукт и свидетельство распада капитализма, «как литературную форму выражения у интеллигенции идеологии социал-демократической партии», и считал, что фашизм может использовать его в своих интересах [Bloch 1985, 265]. В связи с печально известной нацистской выставкой 1937 г. «Выродившееся искусство» в течение 1937–1940 гг. в журнале «Das Wort» ведется полемика об экспрессионизме между Э. Блохом, А. Куреллой (писавшим под псевдонимом Бернхард Циглер) и Г. Лукачем. Последний определял экспрессионизм как «псевдокритический, абстрактно-искажающий, мифологизирующий сущностный вид мнимой империалистической оппозиции», упрекал экспрессионизм в абстрактном пацифизме, приписывал ему «идеологию бегства», «мелкобуржуазную беспомощность и потерянность и т.д. При этом экспрессионизм отделялся от классического наследия и даже противопоставлялся ему» [Bloch 1985, 267]. Классика объявлялась здоровой, романтизм – больным, а экспрессионизм – самым больным [Bloch 1985,

270]. «Абстрактная антибуржуазность» есть, согласно А. Курелле, критика капитализма справа, это «демагогическая» критика, которая способствовала формированию массовой основы фашизма. С этим Блох не может согласиться, более того, он прямо пишет о *совпадении оценок Лукача и Гитлера*: и в том, что касается оценки экспрессионизма как «выражения мелкобуржуазной оппозиции», и в том, что эта оценка производится с точки зрения классицизма, этого идеала «халтурщиков и учителей средней школы» [Вершинин 2001, 174]. Как хорошо видно из приведенных цитат, риторика Лукача в антиэкспрессионистских статьях буквально повторяет фигуры речи из советской партийной печати.

К. Кларк считает, что нельзя обвинять Лукача в сталинизме за эту его позицию, и ее доводы таковы: «Это была эпоха Народного фронта, когда интеллектуалы всей Европы выступали против обособленности и произвольности, во многом характерных для авангарда 1920-х годов (для таких его направлений, как дадаизм, сюрреализм, литература потока сознания). Многие пришли к отрицанию подобных тенденций в искусстве перед лицом мирового кризиса, видя в них бесплодное потакание собственным вкусам. И, напротив, они стремились назад – к большому, часто реалистическому, нарративу: он возвращал чувство общности перед лицом опасности» [Кларк 2018, 294].

На примере антиформалистской кампании отчетливо видно, как размывается граница между сугубо интеллектуальными дебатами и социальной прагматикой, как используются теоретические аргументы, попадая на страницы ведущих партийных печатных органов, начиная работать в пространстве оргвыводов, запретов и репрессий.

В нашем исследовании нам было важно не дать окончательную квалификацию деятельности Г. Лукача советского периода его жизни и творчества, а попытаться понять, что эта часть его биографии значила для него самого. Здесь нам кажется уместным сослаться на аналогию Лукача с Виктором Шкловским, которую предлагает А. Дмитриев: «...Лукач, проживший несколько биографий, напоминает мне другого, следующего героя моих штудий – Шкловского. Запросто можно представить себе длинный стол в Москве 1930-х или в Будапеште, восточном Берлине, за которым с разных концов сидели бы Лукач и Шкловский (об этом немного писал Галин Тиханов). В каком-то смысле со Шкловским произошло нечто подобное: попытка вопреки всему сохранить живость ума, но главное – оправдать свое самоотречение, осмыслить его "позитивно", особенно после 1953-го или 1956-го... Это уже не "сдача и гибель", как Белинков писал про Олешу – другое... Верность "себе" как лекарство от тотальной резиньяции, саморазрушения, со всеми историями подправления собственной биографии и, главное, страха» [Дмитриев 2018]. Отмечая проницательность подобной аналогии, в то же время необходимо добавить, что единство интеллектуальной биографии Лукача было очевидно, прежде всего, для него самого: советский период – это не отступление от принципов «левой идеи» и марксизма, а их апробация и развитие, постоянно поддерживаемое неуро-

мимой рефлексией. В своих книгах и письмах Лукач на протяжении всей жизни доказывает верность избранному им типу интеллектуала: политика, сочетающему тактику и стратегию, но никогда не уклоняющегося от публичной деятельности, и мыслителя стоического типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вершинин С.Е. Жизнь – это надежда. Введение в философию Эрнста Блоха. Екатеринбург, 2001.
2. Дмитриев А. Дьявольская пружина Георга Лукача (интервью М. Нестеренко) // Горький, 17.10.2018. URL: <https://gorky.media/context/dyavolskaya-pruzhina-georga-lukacha> (дата обращения 09.02.2019).
3. Земляной С.Н. Георг Лукач и западный марксизм. М., 2017.
4. Кларк К. Москва, четвертый Рим: сталинизм, космополитизм и эволюция советской культуры (1931–1941) / пер. с англ. М., 2018.
5. Круглова Т.А., Вершинин С.Е. Михаил Лифшиц в контексте 1930-х гг.: к вопросу определения понятия «советский интеллектуал» // Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки. 2018. Т. 13. № 3 (179). С. 97–111.
6. Лукач Г. Предисловие 1967 года к «Истории и классовому сознанию» // Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / пер. с нем. М., 2003. С. 70–98.
7. Лукач Г. Теория романа (опыт историко-философского исследования форм большой эпики) / пер. с нем. // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78. URL: <https://www.libfox.ru/287321-georg-lukach-teoriya-romana-opyt-istoriko-filosofskogo-issledovaniya-form-bolshoy-epiki.html> (дата обращения 26.09.2019).
8. Мих. Лифшиц и Д. Лукач. Переписка. 1931–1970-х гг. М., 2011.
9. Нарский И., Хевеши М. Предисловие // Лукач Д. К онтологии общественно-го бытия. Прологомены. М., 1991. С. 5–33.
10. Полтавцева Н. Лукач и Платонов // Новое литературное обозрение. 2011. № 1 (107). С. 253–270.
11. Стыкалин А.С. Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001.
12. Bloch E. Diskussionen ueber Expressionismus // Bloch E. Erbschaft dieser Zeit. Frankfurt am Main, 1985. S. 264–275.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Kruglova T.A., Vershinin S.E. Mikhail Lifshits v kontekste 1930-kh gg.: k voprosu opredeleniya ponyatiya “sovetskiy intellectual” [Mikhail Lifshits in the Context of the 1930s: On the Definition of “Soviet Intellectual”]. *Izvestiya UrFU, Series 3: Obshchestvennyye nauki* [Social Sciences], 2018, vol. 13, no. 3 (179), pp. 97–111. (In Russian).
2. Lukács G. Teoriya romana (opyt istoriko-filosofskogo issledovaniya form bol’shoi epiki) [Theory of the Novel (Experience of Historical and Philosophical Study of the Forms of the Great Epic)]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 1994, no. 9, pp. 19–

78. Available at: <https://www.libfox.ru/287321-georg-lukach-teoriya-romana-opyt-istoriko-filosofskogo-issledovaniya-form-bolshoy-epiki.html> (accessed 26.09.2019). (Translated from German to Russian).

3. Poltavtseva N. Lukach i Platonov [Lukacs and Platonov]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2011, no. 1 (107), pp. 253–270. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Bloch E. Diskussionen über Expressionismus. *Bloch E. Erbschaft dieser Zeit*. Frankfurt am Main, 1985, pp. 264–275. (In German).

5. Lukács G. Predisloviye 1967 goda k “Istorii i klassovomu soznaniyu” [Preface 1967 to “History and class consciousness”]. *Lukács G. Istoriya i klassovoye soznaniye. Issledovaniya po marksistskoy dialektike* [History and class consciousness. Studies in Marxist Dialectics]. Moscow, 2003, pp 70–98. (Translated from German to Russian).

6. Narskiy I., Hevesi M. Predisloviye [Preface]. *Lukács D. K ontologii obshchestvennogo bytiya. Prolegomeny* [The Ontology of Social Being. Prolegomena]. Moscow, 1991, pp. 5–33. (In Russian).

(Monographs)

7. Klark K. *Moskva, chetvertyy Rim: stalinizm, kosmopolitizm i evolyutsiya sovet-skoy kul'tury (1931–1941)* [Moscow, the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism, and the Evolution of Soviet Culture (1931–1941)]. Moscow, 2018. (Translated from English to Russian).

8. Stykalin A.S. *D'yerd' Lukach – myslitel' i politik* [George Lukács is a Thinker and Politician]. Moscow, 2001. (In Russian).

9. Vershinin S.E. *Zhizn' – eto nadezhda. Vvedeniye v filosofiyu Ernsta Blocha* [Life is Hope. Introduction to Ernst Bloch's Philosophy]. Yekaterinburg, 2001. (In Russian).

10. Zemlyanoy S.N. *Georg Lukach i zapadnyy marksizm* [George Lukács and Western Marxism]. Moscow, 2017. (In Russian).

(Electronic Resources)

11. Dmitriyev A. D'yavol'skaya pruzhina Georga Lukacha (interv'yu M. Nest-erenko) [Devil's Spring George Lukacs (Interview of Marina Nesterenko)]. *Gor'kiy* [Gorky], 17.10.2018. Available at: <https://gorky.media/context/dyavolskaya-pruzhina-georga-lukacha/> (accessed 09.02.2019). (In Russian).

Круглова Татьяна Анатольевна, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры. Автор книг и статей по истории советской культуры сталинского периода, эстетике социалистического реализма, истории советских интеллектуалов.

E-mail: tkruglowa@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4014-2877

Вершинин Сергей Евгеньевич, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальной работы. Автор книг и статей по истории немецкой культуры, истории европейского марксизма.

E-mail: sergejwerschinin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5059-8125

Tatiana A. Kruglova, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of history of philosophy, philosophy anthropology, aesthetics and theory of culture. Author of books and articles on the history of Soviet culture of the Stalin period, the aesthetics of socialist realism, the history of Soviet intellectuals.

E-mail: tkruglova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4014-2877

Sergey E. Vershinin, Russian State Vocational Pedagogical University.

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of sociology and social work. Author of books and articles on the history of German culture, the history of European Marxism.

E-mail: sergejwerschinin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5059-8125